оригинальная статья

УДК 811.161.1'373

Этнонимы как особый пласт регионализмов: на материале наименований народов Северо-Востока России

Михаил С. Тейкин^{a, @, ID}

^a Северо-Восточный государственный университет, 685000, Россия, г. Магадан, ул. Портовая, 13

@ teikin-ms@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-3545-3192>

Поступила в редакцию 12.02.2019. Принята к печати 20.03.2019.

Аннотация: Региональные черты русского языка стали объектом научного внимания в последней трети XX в. До этого периода учёные исследовали местные особенности русского языка, но именно в конце 1960-х – начале 1970-х гг. развитие диалектологии вышло на новый этап: в науке стали разграничивать диалекты, существующие довольно продолжительное время, и региолекты, характеризующиеся подвижностью и изменчивостью: отдельные регионализмы (лексические единицы региолекта) могут расширять ареал распространения и становиться общеупотребительными среди большинства носителей языка. Внимание учёных было привлечено к особенностям литературной речи жителей разных местностей, поскольку в ней могут присутствовать слова, употребляемые на ограниченной территории. Этнонимы небольших народов, как правило, не имеют широкого распространения за пределами проживания их носителей, поэтому данные имена можно отнести к одним из видов регионализмов. Однако именования этнических и субэтнических групп России до сих пор мало изучены с точки зрения их регионального компонента, в особенности этнонимы Северо-Востока, в связи с этим данная тема приобретает особую актуальность. В настоящей статье рассматриваются этнонимы малочисленных народов Северо-Востока России. Дан пример перехода регионализмов из региолекта в общий для всех носителей язык, произошедшего в XX в. Показаны наиболее характерные ошибки в созвучных этнонимах. В основе настоящего исследования лежит теоретическое изучение вопроса отнесения лексических единиц к регионализмам, в частности этнонимов. С целью получения практического материала проведён опрос, основной задачей которого было выяснить степень владения этнонимической лексикой Северо-Востока жителями Магадана, а также крупных городов России, располагающихся в центральных регионах страны. В заключение сделан вывод о частоте распространения этнонимов-регионализмов.

Ключевые слова: региональная лингвистика, регионализм (лингвистический), региолект, диалект, народы Севера

Для цитирования: Тейкин М. С. Этнонимы как особый пласт регионализмов: на материале наименований народов Северо-Востока России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 549–557. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-549-557>

Введение

Изучение региональных особенностей русского языка как заметное научное явление возникло в XIX в. Академик Я. К. Грот указывал: «Областные нарѣчія могутъ служить къ обогащенію общеупотребительнаго языка, представляя часто матеріалы для удачнаго выраженія такихъ понятій, для которыхъ въ немъ недостаетъ соотвѣствующихъ словъ. <...> Областные слова, выражая часто черты мѣстной фیزیоміи края или населенія, представляютъ драгоценныя указанія для изученія нравовъ и обычаевъ народа»

[1, с. 112]. Действительно, региональная лексика отражает не только особенности природного ландшафта, но и многое говорит о населяющих местность жителях – их быте, типе хозяйствования и т. п.

Практическим отражением раннего изучения и описания слов, имеющих хождение в определённых областях, стали лексикографические работы, посвящённые диалектным и региональным особенностям русского языка. Наиболее известные из них: Опыт областного великорусского словаря¹, изданный в 1852 г., с последующим Дополнением²

¹ Опыт областного великорусского словаря / под ред. А. Х. Востокова. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1852. XII+275 с.

² Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1858. [2]+328 с.

к нему 1858 г. и Словарь областного архангельского наречия³ 1885 г. Первой лексикографической работой, осветившей региональные особенности русского языка Северо-Востока России, стал Областной словарь колымского русского наречия⁴, составленный В. Г. Богоразом и изданный в 1901 г.

За период XX в. и начала XXI в. были опубликованы десятки региональных словарей, в том числе многотомных. Северо-Востоку посвящены Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии⁵, Словарь русского камчатского наречия⁶, Дialectный словарь Русского Устья⁷; данные работы в значительной степени описывают диалектные черты речи русских старожилов и русскоязычных представителей малочисленных народов. Лексические региональные особенности наиболее полно на сегодняшний день представлены в Словаре региональной лексики Крайнего Северо-Востока России⁸, изданном в 2010 г. в Магадане на основе машинописного материала Г. В. Зотова; не охваченной описанием осталась только Камчатка, где исследователю не удалось побывать. В предисловии к словарю его редактор А. А. Соколянский отмечает: «В создаваемом сейчас словаре региональной лексики мы стремимся учесть и традиционный пласт диалектной лексики, а также слова, которые, являясь вполне региональными, не входят в число диалектных» [2, с. 5]. Таким образом, проводится грань между диалектизмами и регионализмами, что вполне обоснованно.

Отличие региолекта от диалекта

В 1960-е гг. по мере изучения местных языковых особенностей в разных аспектах становилось ясно, что для точного описания разнообразия форм существования русского языка одного понятия *диалект* недостаточно. В связи с этим учёными стали предлагаться новые термины (*полудиалект*, *интердиалект* и др.). Наиболее подходящими, по мнению автора настоящей статьи, являются термины *региолект* и *региональный вариант русского языка*; именно они используются в исследованиях по региональной лингвистике Дальнего Востока, частью которого является Северо-Восток, и иных регионов России (например, Кавказа, Поволжья). Сей факт подтверждается словами Е. А. Оглезневой: «Такие понятия, как "региолект", "региональный вариант языка", "регионализм", "регионально окрашенная лексика", "региональная норма", обладают наибольшей очевидностью при

их проекции на реальную жизнь русского национального языка на Дальнем Востоке» [3, с. 66].

Поскольку в рамках настоящей статьи ставится цель проанализировать этнонимы малочисленных народов Северо-Востока России, представленных в русском языке, в качестве региональных слов, следует особое внимание обратить на важность терминов *региолект* и *регионализм* в отношении обозначенной области.

Ю. А. Резвухина в своём диссертационном исследовании разделяет региональную лексику на восемь пластов, одним из которых является этнонимическая лексика (этнонимы и аллоэтнонимы), служащая для обозначения малых этносов территории. В качестве примеров регионализмов приведены: *тунгус*, *ороч*, *орочон*, *орочел*, *эвен* [4, с. 104]. Это подтверждает, что этнонимы малочисленных народов Северо-Востока являются регионально окрашенной лексикой и могут быть объектом исследования региональной лингвистики.

Авторами термина *региолект* считаются А. С. Герда и В. И. Трубинский, в 1990-е гг. введшие в научный оборот новое понятие. В. И. Трубинский видит региолекты в качестве «новых диалектов», не повторяющих классического диалектного членения русского языка [5, с. 157]. По мнению А. С. Герда, диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты [6, с. 22]. Учёный считает региолект особой формой устной речи, в которой уже утрачены многие архаичные черты диалекта и развились новые особенности, но при этом данная форма полностью не совпадает с городским просторечием. По мнению А. С. Герда, диалекты, носителями которых являлись преимущественно крестьяне, сменяются не стандартным литературным языком, а особыми формами разговорной речи.

Следует подчеркнуть большую гибкость региолекта по сравнению с диалектом. Е. А. Оглезнева справедливо замечает: «Региолект – это звено в системе языковых состояний, находящееся в постоянном движении, в отличие от диалекта, который в течение определённого исторического периода (напр., феодального) настолько устойчив, что приравнивается к понятию "язык"» [7, с. 25].

А. П. Майоров отмечает, что региолект, в отличие от диалекта, имеет более широкий по социальным признакам контингент носителей и континуальный, недискретный характер языковой природы. От просторечия региолект

³ Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / сост. А. И. Подвысоцкий. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1885. [4]+198 с.

⁴ Областной словарь колымского русского наречия / сост. В. Г. Богораз. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1901. [2]+346 с.

⁵ Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1997. 137 с.

⁶ Словарь русского камчатского наречия / сост. К. М. Браславец, Л. В. Шатунова. Хабаровск: Изд-во Хабаровского ГПИ, 1977. 194 с.

⁷ Чикачёв А. Г. Дialectный словарь Русского Устья / отв. ред. А. Е. Аникин. Новосибирск: Наука, 2005. 73+[1] с.

⁸ Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А. А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. 539 с.

отличает более высокий социальный статус говорящих и территориальная ограниченность [8, с. 52]. Региолекты охватывают большее пространство, чем диалекты, и используются всеми жителями территории своего распространения, тогда как носителем диалекта является преимущественно сельское население.

И. С. Зварыкина, исследуя соотношение диалектов и региолектов, приходит к выводу, что «в современной языковой ситуации происходит "стирание" границ диалекта, перерождение диалектов в региолекты» [9, с. 33]. Региолект шире диалекта, поскольку может возникать на основе нескольких диалектов и включать в себя в том числе иноязычную лексику. С массовой урбанизацией населения, начавшейся в середине XX в., постепенно стало сокращаться количество носителей диалекта. Однако при переезде селянина в город все особенности его речи не утрачивались, а приобретали новую форму. В этом смысле мнение учёных, в частности А. С. Герда и И. С. Зварыкиной, о стирании диалектов и преобразовании их в региолекты имеет под собой основу. Но региолект появляется не только на почве диалекта, но и в результате контакта с местным иноязычным населением, вследствие чего русская речь жителей обогащается новыми словами. Такие слова, как правило, известны лишь там, где происходят межэтнические контакты.

Отдельные лексические единицы местной разговорной речи являются регионализмами. Данное толкование приводится у Д. Ш. Харанутовой [10, с. 114]. С ним следует согласиться, поскольку именно в таком значении термин *регионализм* используется и другими учёными. Например, И. С. Зварыкина под регионализмом понимает единицу языка того или иного региона, которая, в отличие от диалектного слова, используется жителями вне зависимости от различных социальных факторов (пол, возраст, образование и т. п.) преимущественно в устной коммуникации, но также функционирует в текстах художественной литературы, региональных СМИ [11, с. 214].

По мнению автора настоящей статьи, наиболее удачным и полным следует считать определение понятия *регионализм*, данное Н. Н. Соколянской. Так, она пишет⁹: «Регионализмы – это слова и выражения, обозначающие реалии (природные и социальные) определённой местности и функционирующие более или менее регулярно в литературных текстах (устных и письменных) с номинативно-терминологической или стилистической функцией» [12, с. 27–28]. Развивая тему в последующем труде, Н. Н. Соколянская отмечает, что состав регионализмов

неоднороден и часто не имеет чётко обозначенных границ [13, с. 57].

Диалектные слова маркируются в качестве нелитературных. В отношении регионализмов вопрос стоит сложнее. По мнению Ю. А. Резвухиной, вся совокупность регионально маркированных лексем той или иной географической области или зоны не может быть однозначно отнесена к литературному языку или, наоборот, вынесена за его пределы [14, с. 85–86]. Исследовательница справедливо замечает, что вопрос отнесения регионализмов к литературному языку следует решать в отношении каждой лексемы отдельно, предварительно проведя анализ особенностей её функционирования.

Слово, считающееся регионализмом, может в течение непродолжительного времени перейти в общий лексикон всех носителей языка. Это происходит, в частности, при смене политической конъюнктуры, появлении новых экономических реалий и благодаря работе исследователей. При этом лексема может не только войти в речь большого числа носителей языка, но и претерпеть семантические изменения. Так, слово *Колыма* до периода промышленного освоения Северо-Востока было относительным регионализмом; лексическое значение – название реки. Со второй трети XX в. слово постепенно входит в широкое употребление и приобретает новые значения: так, по имени реки стали называть целый край. Сегодня любой житель России, даже никогда не бывавший на Северо-Востоке, знает, что Колыма – отдалённый от центральных областей страны регион, куда этапировали заключённых, благодаря чему слово получило широкую известность¹⁰.

Этнонимы как регионализмы

Ещё в самом конце XX в. Е. М. Гоголева отметила, что названия редких немногочисленных или исчезающих групп народов представлены только в специальных этнографических описаниях и в региональной литературе [16, с. 16]. С тех пор мало что изменилось. По справедливому замечанию Ю. А. Резвухиной, особенности наименований коренных народов Крайнего Северо-Востока России (как аллоэтнонимов, так и автоэтнонимов) изучены недостаточно [4, с. 115]. Из фундаментальных трудов, в коих исследуются в том числе этнонимы всех народов, представленных на Северо-Востоке, в первую очередь следует назвать монографию А. А. Бурыкина [17], на базе которой им же была защищена диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Отдельного внимания заслуживает исследование А. А. Сириной [18],

⁹ В оригинале определение даётся курсивом, определяемое слово – курсивом и полужирным шрифтом. Здесь при цитировании выделения не сохраняются.

¹⁰ Более подробно лексема *Колыма* описана Е. М. Гоголевой в [15].

посвящённое эвенкам и эвенкам, с подробным описанием и анализом различных этнонимов этих народов. Следует отметить монографию Л. Н. Хаховской, посвящённую камчадалам Магаданской области, где освещается их история, описываются наименования данного народа в отдельном регионе Северо-Востока [19].

Вместе с тем полное лингвистическое исследование всех этнонимов Северо-Востока, включая русское старожильское население, к настоящему времени не проведено. В связи с этим представляется весьма перспективным изучение региональной лингвистики территории в этнонимическом аспекте.

По мнению Т. А. Сироткиной, перспективными являются следующие аспекты исследования региональных этнонимикон¹¹: 1) этнолингвистический; 2) когнитивный, с учётом того, что центром языковой картины мира является человек, а этнонимы – наименования групп людей; 3) лексикографический; 4) лингвокраеведческий [20, с. 82–83]. В настоящей статье преимущество отдаётся четвёртому аспекту, поскольку исследуется региональный этнонимический материал и знакомство с ним жителей разных городов страны.

Этнонимы, служащие в русском языке официальным обозначением целого народа, не могут относиться к собственно регионализмам, поскольку не являются специфически местными названиями на территории проживания народов. Такие термины следует считать *относительными регионализмами*. По определению Н. Н. Соколянской, это «слова, известные в литературном языке, но неупотребляемые или почти неупотребляемые большинством носителей русского литературного языка в силу того, что реалии, обозначаемые этими словами, не являются актуальными для них» [13, с. 58].

На Северо-Востоке представлены народы, имеющие различную историю и говорящие на разных языках. Важнейшими языковыми семьями являются следующие: тунгусо-маньчжурская (эвенкийский, эвенский языки), юкагирская, алеутско-эскимосская, палеоазиатская (чукотский, корякский, ительменский языки).

Этнонимы малочисленных народов Северо-Востока, вошедшие в русский язык и обозначающие целые этносы, представляют собой заимствования из местных языков, видоизменённые в соответствии с фонетическими и грамматическими правилами русского языка. Таким образом, данная этнонимическая региональная лексика образовалась путём прямого заимствования, а не в результате нового семантического наполнения лексических единиц,

существовавших в русском языке до знакомства с этими народами, и не путём создания новых терминов на чисто русской лексической основе.

Наименования северных народов не являются широко известными вне пределов проживания самих представителей данных этносов, поэтому этнонимы Северо-Востока следует отнести к региональной лексике.

Единственным исключением здесь является этноним *чукча*, хорошо известный среди всех носителей русского языка и широко распространённый в русском лингвистическом пространстве. При этом по состоянию на XIX в. этноним *чукча* можно считать относительным регионализмом: термин не был представлен в толковых словарях, в частности в четырёхтомном словаре В. И. Даля. С началом промышленного освоения Северо-Востока в устную и письменную речь попали географические названия отдалённых от центра областей. Топонимы *Чукотский полуостров* и *Чукотка* стали общеизвестными, поскольку частота их употребления резко повысилась. Благодаря этому жители иных местностей узнавали о чукчах как о народе, и этноним *чукча* утратил региональный оттенок.

Не последнюю роль в широком распространении слова сыграли, к сожалению, и многочисленные анекдоты. Среди наименее образованных слоёв населения именно анекдоты способствовали активному вхождению этнонима *чукча* в активный словарный запас, в таком речевом контексте термин получил экспрессивный оттенок. Это подтверждается тем, что ныне лексема *чукча* имеет не только значение 'представитель палеоазиатского народа, живущий на территории Северо-Восточной Евразии', но и иные, например: 'наивный человек', 'простак'¹². Тема о многозначности лексемы *чукча* заслуживает отдельной развёрнутой статьи, останавливаться на ней здесь далее нецелесообразно.

Кроме чукчей, на Северо-Востоке представлены и иные народы: алеуты, ительмены, камчадалы, коряки, чуванцы, эвенки, эвены, эскимосы, юкагиры, в незначительном количестве сохранились кереки; айны, живущие в Японии, проживают в том числе и в России – в Сахалинской области и на Камчатке, относящейся к Северо-Востоку. Данные одиннадцать этнонимов можно считать регионализмами в том понимании, как это предлагают, например, Н. Н. Соколянская и И. С. Зварыкина, но регионализмами относительными.

Этнонимы разделяются на *общие*, обозначающие весь народ, и *местные*, обозначающие отдельные его группы, различающиеся по многим критериям – от территориальных до бытовых и субэтнических. Такие этнонимы, маркирующие

¹¹ Этнонимикон – упорядоченная совокупность слов в языке, обозначающих этнонимы.

¹² Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. В 2 т. Т. 2. СПб.: Златоуст, 2017. С. 471.

отдельные небольшие группы этноса, А. Н. Хаховская называет *микроэтнонимами* [21, с. 27].

Этнонимическая лексика, являющаяся обозначением целых народов Северо-Востока, будучи региональной, относится тем не менее к литературному языку. Спорность такого отнесения может возникнуть ввиду малой представленности северо-восточной этнонимической терминологии в русском языковом пространстве, причиной чему служит малочисленность проживающих здесь народов, а следствием – малое знакомство или же полное его отсутствие у жителей других регионов России с местными этнонимами Северо-Востока.

Разбросанность на значительной территории, кочевой образ жизни части представителей племён способствовали появлению у народов местных самоназваний – микроэтнонимов; некоторые из них вошли в русский язык, но представлены в основном в научной литературе и малоизвестны даже жителям Северо-Востока.

Общие этнонимы в отличие от микроэтнонимов, чей статус в русском языке пока что спорен, однозначно относятся к литературному языку: во-первых, они являются официальными обозначениями народов и встречаются в нормативных актах, где может использоваться только литературная лексика; во-вторых, они встречаются в самой разной литературе – от научных трудов до художественных произведений; в-третьих, такие этнонимы неплохо известны жителям Северо-Востока (микроэтнонимы – далеко не всегда и не всем).

Типичным показателем региональности слова служит не совсем правильное его употребление жителями других регионов. Например, вне пределов Северо-Востока на практике можно встретить смешение этнонимов *эвен* и *эвенк*. Эвены более малочисленные, чем эвенки, но названия обоих народов созвучны; иногда это приводит к ошибочной подмене одного этнонима другим. Определённую роль здесь играет женская форма вышеуказанных этнонимов: *эвен* > *эвенка*, *эвенк* > *эвенкийка*; отсюда происходит ошибочное отождествление существительных *эвенк* и *эвенка* в качестве представителей одного народа. Как правило, такое смешение терминов встречается в речи тех, кто не знает о существовании эвенов. Сложность также представляют прилагательные, образуемые от существительных: *эвен* > *эвенский*, *эвенк* > *эвенкийский*. Людьми, не живущими в местах обитания эвенов и эвенков, данные прилагательные зачастую воспринимаются как синонимы и употребляются на взаимозаменяемой основе, что, конечно, ошибочно.

Практический эксперимент

Подтверждением того, что основные одиннадцать этнонимов Северо-Востока (исключая общеизвестных чукчей) являются относительными регионализмами, служит опрос четырнадцати жителей четырёх крупных городов Центральной России – Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Воронежа. Для примера было также опрошено девять жителей Магадана. Возраст всех опрошенных – 23–59 лет. Дополнительно было опрошено три лингвиста из Москвы (возраст – 53, 58 и 59 лет); их результаты представлены отдельно, поскольку разительно отличаются от результатов других опрошенных. Всего было интервьюировано двадцать шесть человек. Двадцать из них имеют высшее образование, шесть – неоконченное высшее или среднее специальное.

Опрашиваемым было дано следующее задание: *Назовите малочисленные народы, живущие на Северо-Востоке России, которые Вы знаете.* (В случае затруднения с географическим положением региона интервьюером делалось уточнение, что к Северо-Востоку относятся Чукотка, Камчатка, Магаданская область, а также северо-восточные районы Якутии.) Ответы той или иной степени полноты были получены от всех двадцати шести опрошенных. Результаты распределены по возрасту, указывается пол респондента.

Единственный народ, не вызвавший ни у кого затруднения и названный всеми, – это чукчи. Опрос подтвердил всеобщую распространённость данного этнонима и правильность неотношения его к регионализмам; в связи с этим в нижеследующем перечислении названных этнонимов чукчи не упоминаются.

Лингвисты наиболее полно ответили на поставленный вопрос.

Первый (мужчина, 53 года) назвал следующие этнонимы: алеуты, ительмены, коряки, чуванцы, эвенки, эвены, юкагиры. Незазванными остались камчадалы и керекы (очень малочисленный народ даже в сравнении с другими); неупоминание эскимосов опрошенный объяснил тем, что они преимущественно живут в Северной Америке.

Второй (мужчина, 58 лет) назвал такие этнонимы: алеуты, ительмены, камчадалы, коряки (и алыторцы), эвенки, эскимосы, юкагиры. Он не упомянул только керекы, чуванцев и эвенов (о последних помнил, но забыл).

Третий (мужчина, 59 лет) назвал абсолютно все этнонимы народов Северо-Востока: айны, алеуты, ительмены, камчадалы, керекы, коряки (включая подгруппу алыторцев), чуванцы, эвенки, эвены, юкагиры, различные имена эскимосов (инуиты, юиты (юпики), инупиаты), подчеркнув, что в России живут только юиты, назвал этнонимы *луораветлан*

(чукча) и *нымылан* (коряк), чётко обозначив временную границу их употребления¹³.

Первые два лингвиста, не назвавшие айнов, объяснили это тем, что данный народ проживает преимущественно в Японии, а также в Сахалинской области, не относящейся к Северо-Востоку. Действительно, о проживании незначительного количества айнов на Камчатке мало кому известно. Все трое опрошенных не являются профессиональными ономотологами. Полноту ответов лингвисты объяснили своей начитанностью; ни один из них никогда не был на Северо-Востоке. Можно сделать вывод, что лингвисты хорошо знакомы с этнической ономастикой региона.

Ожидаемым оказался опрос девяти жителей Магадана (ни один не является представителем какого-либо малочисленного народа). Ниже представлены их ответы.

1. Женщина, 27 лет: ительмены.
2. Женщина, 30 лет: коряки, эвены.
3. Женщина, 32 года: коряки, эвены.
4. Женщина, 33 года: ессейские якуты, коряки, эвены.
5. Мужчина, 36 лет: коряки, эвены.
6. Мужчина, 40 лет: камчадалы, коряки, эвены.
7. Женщина, 52 года: керекы, коряки, эвены, эскимосы.
8. Женщина, 52 года: эвенки, эвены, коряки.
9. Мужчина, 56 лет: ительмены, камчадалы, орочи¹⁴, чуванцы, эвены, эскимосы, юкагиры.

Все опрошенные магаданцы, за исключением одной, называли эвенов; лишь двое, включая её, не называли коряков. Данные два этнонима наиболее известны жителям Магаданской области. Упоминание одной интервьюируемой ессейских якутов объясняется тем, что её соседкой какое-то время была представительница данной национальности. Результат опроса женщины, не назвавшей эвенов и коряков, явился исключением. В целом ответы жителей Северо-Востока оказались беднее ответов московских лингвистов, но полнее ответов проживающих в крупных городах на западе страны. Ниже – результаты опроса жителей центра. В скобках указан город проживания.

1. Мужчина, 23 года (Санкт-Петербург): ительмены, коряки, эвенки, эвены, эскимосы.
2. Мужчина, 25 лет (Санкт-Петербург): *не названо ни одного этнонима*.
3. Мужчина, 26 лет (Нижний Новгород): *не названо ни одного этнонима*.
4. Женщина, 28 лет (Санкт-Петербург): эвены.
5. Мужчина, 30 лет (Нижний Новгород): коряки, чуванцы, эвенки.

6. Мужчина, 31 год (Санкт-Петербург): *не названо ни одного этнонима*.

7. Мужчина, 32 года (Санкт-Петербург): айны.

8. Мужчина, 32 года (Москва): камчадалы, коряки, эвенки, эвены, эскимосы.

9. Мужчина, 33 года (Воронеж): коряки, эвенки, эскимосы, северо-восточные эскимосы – православные (очевидно, имелись в виду камчадалы).

10. Мужчина, 33 года (Москва): алеуты, эвенки.

11. Мужчина, 33 года (Санкт-Петербург): *не названо ни одного этнонима*.

12. Женщина, 34 года (Санкт-Петербург): *не названо ни одного этнонима*.

13. Мужчина, 34 года (Санкт-Петербург): *не названо ни одного этнонима*.

14. Мужчина, 59 лет (Москва): *не названо ни одного этнонима*.

Среди четырнадцати опрошенных жителей крупных городов шесть человек (43 %) не называли ни одного этнонима Северо-Востока, за исключением чукчей. Как правило, один человек называл не более двух этнонимов. Только трое называли от трёх до пяти имён; сами опрошенные после интервьюирования объяснили полноту ответов личными интересами в этнографии и истории, общей начитанностью и полученным образованием. Ответ воронежца (три полноценных этнонима и одно описательное именование) тоже контрастирует с результатами, полученными от других респондентов; это объясняется тем, что опрошенный часто бывает на Северо-Востоке и неплохо знаком с местными условиями.

Среди этнонимов, названных жителями крупных городов, чаще всего встречались коряки, эвенки, эскимосы. При этом коряков называли лишь интересующиеся этнографией или минимально знакомые с Северо-Востоком – кто помнит три и более этнонима. Один опрошенный назвал айнов. Однако упоминание айнов, действительно проживающих в незначительном количестве на Камчатке, следует считать случайным по той причине, что интервьюируемый также ошибочно называл народы, проживающие на значительном расстоянии от Севера вообще (например, уйгуров).

Главное отличие результата опроса девяти жителей Магадана и четырнадцати – крупных центральных городов: первые преимущественно называли эвенов (89 % опрошенных) и коряков (78 %), вторые – эвенков (36 %), коряков (28,5 %) и эскимосов (21 %). Эвенки и эскимосы являются самыми многочисленными этническими группами, представленными не только на Северо-Востоке (первые –

¹³ Луораветлан – самоназвание чукчей, нымылан – самоназвание оседлых коряков. В послереволюционный довоенный период была попытка ввести данные этнонимы в качестве официальных в русский язык, не увенчавшаяся успехом.

¹⁴ Орочами называли себя эвены Охотского побережья. Данный этноним сохраняется в качестве местного самоназвания до сих пор.

в Восточной Сибири вообще, вторые – преимущественно в Северной Америке); это объясняет относительную известность данных этнонимов. Общие ответы магаданцев и других горожан не совпали. Лишь два жителя центра, за исключением лингвистов, помнят о существовании эвенов наряду с эвенками. Магаданцы зачастую не называли эвенков потому, что данный народ проживает преимущественно не на Северо-Востоке, а в Красноярском, Забайкальском и Хабаровском краях, Якутии, Бурятии, Иркутской и Амурской областях, т. е. этноним *эвенок* не воспринимался в качестве местного слова.

Заключение

Этнонимы Северо-Востока мало известны носителям русского языка за пределами проживания малочисленных народов, они – типичные относительные регионализмы. В Магаданской области хорошо известны эвены и коряки, остальные этнонимы – в меньшей степени.

Этнонимы хорошо знакомы лингвистам, в том числе не специализирующимся на ономастике Северо-Востока.

Однако следует подчеркнуть: данные, полученные от лингвистов, некорректно отождествлять с известностью регионализмов вне территории их широкого хождения. Лингвисты – профессионалы, чьи знания объясняются, во-первых, получением профильного образования, во время которого читается курс лекций по классификации языков¹⁵; во-вторых, начитанностью в специальной литературе.

Подтверждением правомерности отнесения этнонимов Северо-Востока к относительным регионализмам является то обстоятельство, что все опрошенные жители Магадана – за исключением одной женщины – назвали этноним *эвен*, – среди всех малочисленных народов именно эвены составляют большинство в Магаданской области. Это подтверждает версию об известности регионализмов на территории их распространения и малую осведомлённость о таких терминах вне местности их использования в устной речи, за исключением узкого круга профессионалов и интересующихся историей Северо-Востока, а также российской этнографией или ономастикой.

Литература

1. Грот Я. К. Областные словари // Труды Я. К. Грота. II. Филологические разыскания (1852–1892) / под ред. проф. К. Я. Грота. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1899. С. 99–112.
2. Соколянский А. А. О словаре и его создании // Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А. А. Соколянского. Магадан: Изд-во Северо-Восточного гос. ун-та, 2010. С. 4–8.
3. Оглезнева Е. А. К вопросу о границах дальневосточного региолекта // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10-1. С. 65–68.
4. Резвухина Ю. А. Колымская региональная лексика 20-х – начала 30-х годов XX века: дис. ... канд. филол. наук. Магадан, 2014. 288 с.
5. Трубинский В. И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991. С. 156–162.
6. Герд А. С. Введение в этнолингвистику. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 457 с.
7. Оглезнева Е. А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 20–37.
8. Майоров А. П. Региолект и регионализмы в современной языковой ситуации России // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 1. С. 51–55.
9. Зварыкина И. С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) // Гуманитарные исследования. 2013. № 2. С. 30–36.
10. Харанутова Д. Ш. Регионализмы забайкальского региолекта как результат языковых контактов // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 4. С. 113–118.
11. Зварыкина И. С. Способы номинации регионализмов Астраханского края // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2. С. 213–219.
12. Соколянская Н. Н. Проблемы региональной лингвистики (лексикографический аспект). Магадан: Изд-во Северного междунар. ун-та, 2006. 85 с.

¹⁵ Во время таких лекций при ознакомлении с очередной языковой группой упоминаются народы – носители соответствующего языка, в связи с чем в памяти запечатываются и этнонимы.

13. Соколянская Н. Н. Теоретические и практические занятия по региональной лексике Крайнего Северо-Востока // Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России) / под ред. А. А. Соколянского. Магадан: СВГУ, 2016. С. 57–84.
14. Резвухина Ю. А. Регионализм: к определению понятия // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. Т. 6. № 2. С. 84–90.
15. Гоголева Е. М. Лексемы «материк» и «Колыма» в общенациональном словаре и в региональной традиции // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 2. Магадан: Кордис, 2007. С. 199–208.
16. Гоголева Е. М. Освоение заимствований из языков коренных народов Северо-Востока (произносительный и словообразовательный аспект) // Сохранение национальных культур в условиях диалога: материалы науч.-практ. конф. учителей русского языка и литературы / отв. ред. Э. Д. Шангина. Магадан: Кордис, 1999. С. 13–16.
17. Бурькин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона. Очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 224 с.
18. Сирина А. А. Эвены и эвенки в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012. 604 с.
19. Хаховская Л. Н. Камчадалы Магаданской области (история, культура, идентификация). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 325 с.
20. Сироткина Т. А. Этнонимы как предмет региональной лингвистики // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2005. № 3. С. 82–84.
21. Хаховская Л. Н. Этнонимические процессы у аборигенов Северо-Востока России (на примере эвенов и камчадалов) // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 25–36.

Ethnonyms of North-Eastern Russia as a Special Layer of Regionalisms

Mikhail S. Teikin ^{a, @, ID}

^a North-Eastern State University, 13, Portovaya St., Magadan, Russia, 685000

@ teikin-ms@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-3545-3192>

Received 12.02.2019. Accepted 20.03.2019.

Abstract: Russian regional features became a subject of scientific attention in the late 1960s – early 1970s when scientists began to study old dialects, new regiolects, and how some regionalisms entered general use. Scientists usually focused on the literary speech peculiarities of local residents. As a rule, ethnonyms of small-numbered peoples have a very narrow circulation and belong to regionalisms. However, Russian ethnonyms remain understudied from the angle of their regional component, particularly the ethnonyms of the North-East. The present article deals with the ethnonyms of small-numbered peoples in the Russian North-East. The author describes how regionalisms transferred from the regiolect to the common language in the course of 20th century. The paper also features the most relevant mistakes in the ethnonyms with similar pronunciation. The author conducted a survey to investigate the comprehension level of the north-eastern ethnonyms by the residents of Magadan and cities of Central Russia and define their frequency.

Keywords: regional linguistics, regionalism (linguistic), regiolect, dialect, peoples of the North

For citation: Teikin M. S. Ethnonyms of North-Eastern Russia as a Special Layer of Regionalisms. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 549–557. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-549-557>

References

1. Grot Ya. K. Regional Dictionaries. Ya. K. Grot's Oeuvre. II. *Philological Researches (1852–1892)*, ed. Grot K. Ya. Saint-Petersburg: Tipografia Ministerstva Putei Soobshcheniia, 1899, 99–112. (In Russ.)
2. Sokolyanskiy A. A. About the dictionary and its creation. *Dictionary of regional lexicon in the Far North-East of Russia*, ed. Sokolyanskiy A. A. Magadan: Izd-vo Severo-Vostochnogo gos. un-ta, 2010, 4–8. (In Russ.)
3. Oglezneva E. A. To the issue of the borders of the Far Eastern regional varieties of the Russian language. *Vestnik Buriatского государственного университета*, 2014, (10-1): 65–68. (In Russ.)

4. Rezvukhina Yu. A. *Kolyma regional lexicon of 20–30s of the 20th century*. Cand. Philol. Sci. Diss. Magadan, 2014, 288. (In Russ.)
5. Trubinskiy V. I. Contemporary Russian regional dialects: the features of formation. *Pskov patois and its surrounding*. Pskov, 1991, 156–162. (In Russ.)
6. Gerd A. S. *Introduction to ethnolinguistics*. 2nd ed. Saint-Petersburg: SPbGU, 2005, 457. (In Russ.)
7. Oglezneva E. A. Far East regiolect of Russian as regional variant of Russian national language. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh*, 2013, (10): 20–37. (In Russ.)
8. Maiorov A. P. Regional dialect and regional words in contemporary linguistic Russia. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 2016, 75(1): 51–55. (In Russ.)
9. Zvarykina I. S. To the question about the correlation of dialectal and regional in the Russian language (on example of the lexicon of Astrakhan Region). *Gumanitarnye issledovaniia*, 2013, (2): 30–36. (In Russ.)
10. Kharanutova D. Sh. Transbaikal regional dialect as result of language contacts. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2018, (4): 113–118. (In Russ.)
11. Zvarykina I. S. Ways of nomination of the Astrakhan regionalisms. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2014, (2): 213–219. (In Russ.)
12. Sokolyanskaya N. N. *Problems of regional linguistics (lexicographical aspect)*. Magadan: Izd-vo Severnogo mezhdunar. un-ta, 2006, 85. (In Russ.)
13. Sokolyanskaya N. N. Theoretical and Practical Lessons on Regional Lexicon of Far North-East. *Regional linguistics (Far North-East of Russia)*, ed. Sokolyanskiy A. A. Magadan: SVGU, 2016, 57–84. (In Russ.)
14. Rezvukhina Yu. A. Regionalism: about definition of the term. *Interekspo Geo-Sibir'*, 2015, 6(2): 84–90. (In Russ.)
15. Gogoleva E. M. Lexemes "mainland" and "Kolyma" in the nation-wide dictionary and in the regional tradition. *Kolyma humanitarian almanac*. Magadan: Kordis, 2007, iss. 2, 199–208. (In Russ.)
16. Gogoleva E. M. Borrowings assimilation from the languages of north-eastern indigenous peoples (pronouncing and word-formative aspects). *Preservation of national cultures in conditions of dialogue*: Proc. Sci.-Prac. Conf. of teachers of Russian and literature, ed. Shantina E. D. Magadan: Kordis, 1999, 13–16. (In Russ.)
17. Burykin A. A. Historical-ethnographic and historical-cultural aspects of onomastic space studying of the region. *Essays on place and ethnonym names of Eastern Siberia*. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006, 224. (In Russ.)
18. Sirina A. A. *Evens and Evenks in modern world: self-conscience, environmental management, worldview*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2012, 604. (In Russ.)
19. Khakhovskaya L. N. *The Kamchadals in Magadan region (their history, cultural traditions and identification)*. Magadan: SVKNII DVO RAN, 2003, 325. (In Russ.)
20. Sirotkina T. A. Ethnonyms as a subject of regional linguistics. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2005, (3): 82–84. (In Russ.)
21. Khakhovskaya L. N. Ethnonymic processes of aborigines of the North-East of Russia (case study of the Evens and Kamchadals). *Rossiya i ATR*, 2018, (4): 25–36. (In Russ.)